

Читайте в серии
«Молодежное российское фэнтези»:

Алекс Джун
«СПИ, АЛИСА»

Дельта Корнер
«УБИЙЦА КОРОЛЕЙ»

Кайса Локин
«СУМЕРЕЧНЫЙ СКАЗ»

Екатерина Соловьева
«ИЗБРАННИК СМЕРТИ»

Елена Добрынина
«ЭММА ДЖЕНКИНС»

Натали Рок
«КРОВЬ И КЛЯТВА»

Дельта Корнер
«ДОЧЬ ПУСТОГО»

Валентина Колесникова
«ПЛЕННИЦА ЛЬДА»

Анна Катнер
«ПЛЕННИЦА ПРОРОЧЕСТВА»

Анна
Катнер

ПЛЕННИЦА
ПРОРОЧЕСТВА

Freedom

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К29

Иллюстрация на обложке *Karma Virtanen*

Художественное оформление
Игоря Пинчука

Катнер, Анна.
К29 Пленница пророчества / Анна Катнер. —
Москва : Эксмо, 2024. — 576 с. — (Young Adult.
Молодежное российское фэнтези).

ISBN 978-5-04-189317-0

Вы когда-нибудь задумывались о пророчествах? Представьте, что очень давно дряхлый маг посмотрел на звезды и его осенило — вот оно, великое предзнаменование судьбы. Да только пророчества — не то, чем кажутся на первый взгляд. Поняв все превратно, мои враги решили, что я планирую занять трон.

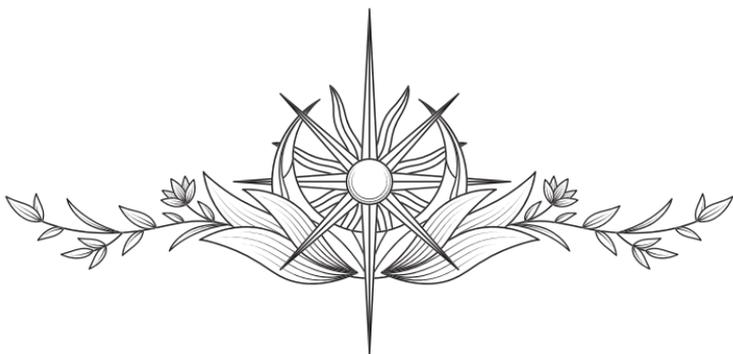
Меня зовут Риланна, я незаконнорожденная принцесса, и мне крупно не повезло: сначала меня похитил колдун-наемник, затем за мою голову назначили награду, а после ненавистный тюремщик решил очистить свою совесть, выдав замуж за того, кого я даже не знаю. Милостью врагов пророчество начинает сбываться, и теперь мне предстоит сразиться с Темным магом и его армией мертвых. Может ли мое положение стать хуже? Еще как, ведь на эту битву я иду ради человека, которого раньше ненавидела...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Анна Катнер, 2023
© Оформление.

ISBN 978-5-04-189317-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ВМЕСТО ПРОЛОГА

— **С** добрым утром.
— Чтоб ты провалился. — Я подняла лицо над водой, отфыркнулась и в бессильной ярости сжала края медного таза.

— И я тоже радуюсь этому чудесному утру. — Колдун отпустил мои плечи и отошел на полшага. Посмотрел сверху вниз и надменно, чуть ехидно ухмыльнулся. Для него это все — игра, развлечение удивительное.

— Я буду там, когда тебя распнут у главных ворот.

— О, непременно.

— Сама буду вбивать в тебя гвозди.

— Обязательно. — Он рассмеялся, швырнув мне в лицо полотенце. — Все будет именно так.

Я молча утерлась. А что говорить? Это наше уже почти ритуальное приветствие: он желает мне доброго утра, а я ему — скорейшей и мучительной смерти. Так вот и живем в этом богами забытом местечке. Мерзкий колдун и посрамленная принцесса. Идеальная пара.

— Ну, чего расселась? — забрюзжал он, поднимая меня с земли за шкуру. — Завтрак сам себя не готовит.

И то верно. По утрам есть хочется особенно сильно, да и природа располагает — лес дремучий, горы, заросшее озеро и кусты малины, куда ни плюнь. Вот только плевать уже нет желания — отучил, гаденыш.

Гордо распрямив плечи, сбрасываю тяжелую руку колдуна и иду к хижине. Поругаться еще успеем, весь день впереди, а на голодный желудок язвить у меня не получается. Впрочем, на сытый тоже. Да и куда мне, шестнадцатилетней пигалице королевских кровей, тягаться в сквернословии с матерым колдуном? Я ему целую тираду, а он мне — одно слово, да такое, что потом на душе гадко-гадко. И тоскливо.

6

Хижина наша древняя, покосившаяся, снаружи неопрятная, но внутри — моим трудом — чистая и даже немного уютная. Крыша только прохудилась. Да и наплевать, колдун сказал, что сам починит, мне молоток не доверяет, подлец. И правильно. Забью и не поморщусь.

Утро как утро — такое же, как и вчера, и позавчера, и месяц назад, и полтора. Подъем и холодный таз с водой. Помню, в первый день думала, что он меня утопить хочет, брыкалась, на весь лес голосила. Но нет — окунул разок-другой и точно так же швырнул полотенце с вышитыми малинками. Даже произнести ничего не могла — стояла на коленях, сжимая несчастную тряпку и глотая слезы. А теперь так и подмывает «спасибо» сказать.

Половицы скрипят на все лады, но только под моими ногами. Колдун умудряется ходить по дому

бесшумно. Пакость такая. Один от него плюс: печь топить не надо. Стоит ему только пальцами щелкнуть — уже нагретая.

Управившись с большим горшком, устало вытираю руки о юбку. Ошейник от жара немного нагрелся, но это пустяки по сравнению с прошлым разом, когда он прожег кожу чуть ли не до мяса. Но тогда я попыталась сбежать, так что виновата сама. Та еще идиотка — с колдовской подвеской по лесу носиться.

— Иди сюда, — голос у колдуна даже приятный, когда не злится: властный, успокаивающий, глубокий. Да и сам колдун не такой уж и страшный на вид: крепкий, высокий, правда в плечах уступает моему любимому рыцарю. Красивым колдуна назвать язык не поворачивается: черты хоть и правильные — прямой нос, высокий лоб, но на лице всегда такое выражение, будто он на весь мир обижен. А глаза пугающие — светло-голубые, похожие на два осколка льда. Хотя, может, и был бы красавцем, если б не омерзительное колдовство.

Я послушно подошла к нему и села у ног. Не дожидаясь указаний, закатала левую штанину и распутала грязные бинты. Под ними — большая рана.

— Сегодня только три капли. — Колдун отвернулся к окну, с деланным вниманием рассматривая простенькие шторы. А я послушно откупорила бутылек, отсчитала три капли тягучего, резко пахнущего зелья, и снова замотала его лодыжку. — И затяни потуже.

Да хоть так, чтоб вся ступня отсохла! Хотя нет, иначе сведет в могилу своим ворчанием. А вообще он не злопамятный. Если б меня стая волков попыталась сожрать, пока я ловлю сбежавшую полоумную

дворянку, я бы одними словами не ограничилась. А он только наорал да пригрозил больше не искать. Но до меня и с первого раза дошло.

Какое-то время сидим в молчании. Хоть в чем-то мы с колдуном схожи: ругаться натошак ему не нравится так же, как и мне. Вот после еды — самое то. Иногда я пытаюсь перебороть свою ненависть к этому человеку, стараюсь посмотреть на него по-иному. Не получается. Как ни крути, мерзкий колдунишка, который, как в сказке, похитил прекрасную принцессу. Хорошо, не прекрасную, а миловидную. И, формально, не принцессу. Но ему-то откуда это знать?

От печи начал исходить вкусный запах, в желудках требовательно заурчало, и я без лишних слов отправилась хозяйничать. В лесу выбора немного — ешь то, что есть. В плену и того меньше. Колдун уже расселся за столом и в издевку утерся салфеткой. Так и хочется его чем-нибудь огреть. Хорошенько так, чтоб не улыбался больше.

— Приятного аппетита. — Мужчина одобрительно посмотрел на полную тарелку каши. В этот раз она получилась что надо: не сгорела, не разварилась и даже не слиплась в один скользкий комок.

— И тебе подавиться, — быстро проглотив пару ложек, ответила я. С колдуна станется оставить без завтрака.

— Вот все не могу понять: вроде бы принцесса, но манер и такта в тебе меньше, чем у дочери пастуха. — Он с аппетитом пережевывал кашу.

— Какое общество, такие и манеры, — беззлобно огрызнулась я. Не говорить же колдуну, что большую часть жизни я провела в компании служанок, поварихи да старого конюха-садовника, прочно впитав их

просторечный говор до самых костей. Тут стоит отметить, что последние два года занятий с мастером словесности принесли плоды, и, когда нужно, могу говорить ничуть не хуже любой придворной дамы. Только не работает это с ним, пробовала уже не раз. Пытаюсь вежливой быть, учтивой, как и подобает принцессе, — внимания он тогда на меня обращает еще меньше, чем на табуретку подо мной. Вот и получается, что проще гадость сказать — хоть какая-то реакция, все лучше гробовой тишины и деланого равнодушия.

— А ведь имя у тебя красивое — Рирариланна. С ведьмовского — «приносящая удачу».

— А у тебя зато... — Я запнулась и тут же рассердилась на себя. Ну не знаю я древних языков, их никто, кроме колдунов, не знает. — А у тебя просто занудное.

— Как скажешь. — Колдун лишь пожал плечами и продолжил уплетать кашу. Я последовала его примеру, искоса поглядывая. Уделал и выиграл, как всегда. Даже есть уже не хочется.

— Тебя убьют.

— Обязательно.

— Мой отец этого так не оставит. Возможно, уже к обеду один из спасательных отрядов до тебя доберется, — приходится сдерживаться, чтобы голос звучал по-королевски спокойно.

— Очень хорошо.

— Фэрфакс, отпусти меня, — я попыталась улыбнуться, — и никто не будет тебя преследовать.

— Да хоть на все четыре стороны, — приподняв брови, откликнулся мужчина. Доев, он отодвинул тарелку и встал из-за стола, сыто потянувшись.

— Фэрфакс, пожалуйста.

— Повторюсь: иди хоть на все четыре стороны, — колдун улыбнулся, хлопнув меня по плечу, — только воду набрать не забудь.

— Колдун, — сквозь зубы выдохнула я, в последний момент сдерживаясь от оскорбления посерьезнее. К такому обращению мой похититель уже худобно привык, хотя было видно, что оно ему не по душе.

— А ты и вправду думала, что я соглашусь?

— Нет. — Я сильно тряхнула головой, и кончики рыжих волос мазнули по остаткам каши в тарелке. — Но попробовать стоило.

— Каждый день пробуешь.

Колдун фыркнул и ушел в комнату.

Я свалила посуду в таз и поскорее выскочила на крыльцо. Так мы и живем в самой глуши, где кроме нас только волки да медведи. И нечисть, с которой я еще не сталкивалась.

Не забуду тот день, когда колдун привез меня сюда: спихнул с седла прямо в грязь, сдернул с головы мешок и, поднеся к лицу фонарь, приказал заткнуться и слушаться. Пообещал, если я буду выполнять все его распоряжения, моя жизнь будет вне опасности.

И как бы я ни ненавидела этого человека, пока что он не дал усомниться в его слове.

ГЛАВА

1

Наверное, в жизни каждого человека наступает мгновение, когда он понимает, что все, что он делал до этого, неправильно и даже бессмысленно. Понимает, что все знания, старательно заложенные немногими учителями в голову, на практике бесполезны. И великое чудо, если понимание это придет поутру, в своем доме и в окружении друзей. Мне же не повезло: великий момент просветления наступил, когда я сидела на дереве, с тоской глядя на огромную клыкастую зверюгу внизу. Она громко фыркала, изредка поглядывая наверх, и точила клыки о кору старого клена. Или дуба? Не знаю, никогда не интересовалась деревьями.

Я поудобнее устроилась на толстой ветке, мрачно смотря вниз. Было невысоко — метра три, но достаточно, чтобы переломать ноги. А дикий кабан, по милости которого мне пришлось совсем не по-

королевски взбираться на дерево, не собирався уходить. Мерзкое животное разлеглось в куче листвы и продолжало недовольно ворчать.

Я тоже ворчала. А что оставалось делать? Принцесса, в незнакомом лесу, одна, вокруг — ни единой человеческой души. Впору плакать. Месяц назад я бы так и сделала, а сейчас только попыталась сесть удобнее. Не будет же эта скотина здесь до ночи лежать? Да и колдун к вечеру хватится, пойдет искать. Знаю я его: врет, что могу отправляться на все четыре стороны, а он, дескать, искать не станет. Станет, как миленький. Найдет, да еще всыплет. Это он умеет, у него хорошо получается.

От неприятных воспоминаний заныли запястья, и настроение совсем упало. Казалось, куда хуже? В плену у злого колдуна, вдали от семьи, никому не нужная, всеми забытая... Так нет, вот еще кабан прилип как банный лист. Второй час уже караулит, будто на верность присягнул. И ничего с этим не сделать.

Будь на моем месте Лоренц, он бы этого кабана изрубил в капусту. Ему не привыкать — походы да турниры, и наоборот. Братец мой словно родился с мечом и в доспехах. Храбрый, сильный, красивый — загляденье. Наверное, места себе не находит, скучает по сестре...

Мне от этой мысли даже смешно. Мы, конечно, в какой-то степени родные, но не настолько. А вообще интересно: ищет меня кто-нибудь?

Прошло почти два месяца с того дня, как колдун меня похитил. Хорошо помню тот вечер: было тепло, солнечно, и закат красивый, огненный, как с картинки. Я долго наряжалась перед зеркалом, сама заплетала волосы. И все ради таинственного поэта, кото-

рый уже пару недель мне стишки писал. Да такие, что сердце на части разрывалось. Я уже подумала, что все, вот оно — влюбилась. А может, так и было — что с избалованной принцессы взять? Занятий у меня было немного: вышивай, музицируй да влюбляйся. Ни отцу, ни покойной королеве и в голову не приходило меня чему-нибудь серьезно учить. Зачем? Вот Лоренц — будущий король. А я.. Сложно сказать, как ко мне во дворце относились. Слуги любили, тут я поклясться готова — никого по моему приказу никогда не наказывали, а дальше слов мои «королевские» истерики не заходили. Да и отходчивая я, на серебрушки никогда не скупилась.

Дворяне поначалу насторожены были: четырнадцать лет король держал меня подальше, а тут решил ко двору представить. Первые месяцы приходилось тяжело, разговоры стихали мгновенно, стоило мне только на пороге появиться. А потом все как-то уладилось — убедились, что политика мне неинтересна, из сплетен слушаю только любовные, не болтаю об услышанном налево и направо. Так что со временем за мной закрепилась репутация легкомысленной и несерьезной особы, поэтому на некоторые вольности, присущие моему возрасту, стали закрывать глаза.

Ну, посмотрит принцесса благосклонно на очередного воздыхателя, и пусть — посмотрит да перестанет. А чем ей еще в замковых стенах заниматься? Потому в тот вечер никто меня и не остановил, никто не поинтересовался, почему это на закате дня принцесса оказалась в самом дальнем уголке обширного королевского сада.

Небо, помню, совсем золотым стало — подходящее время для романтической встречи. А воздыхатель

мой уже был на месте, стоял себе в тени раскидистого клена, бумажку какую-то перечитывал. Оборачивается и смотрит на меня, словно в душу заглядывает. И как-то страшно мне: глаза у поэта голубые-голубые, холодные, ни капли обожания в них. И все, ничего больше не помню. Очнулась только в грязи у крыльца хижины. Поэт чертов, колдун вшивый...

От злости чуть вниз не сорвалась, пришлось сильнее прильнуть к широкому стволу дерева. Чтоб этот колдун под землю провалился! Нет бы похитить да жениться или в жертву принести, так ведь держит взаперти, издевается и ни словом не обмолвился, зачем я ему вообще сдалась. Сижу и дни напролет дымаю, чем заслужила такую участь.

Кабан внизу громко заворчал, поднялся на ноги и беспокойно заметался под деревом — добычу, пакость такая, оставлять не хочет. Вдруг высокие кусты в десяти метрах от нас затрещали, и животное испуганно скрылось в чаще.

— Что ты тут делаешь? — Фэрфакс остановился под деревом, изумленно смотря наверх. Я стыдливо попыталась одернуть задравшееся платье, потеряла равновесие и обхватила руками сук с такой силой, что еще чуть-чуть, и мы бы стали единым целым.

— Чтоб тебе пусто было, — негоже менять традицию только из-за того, что я не стою на земле, а сижу под небесами, словно большая белка.

— Да это само собой разумеющееся. — Колдун обошел дерево по кругу и остановился подо мной. — Ну, а зачем ты туда залезла?

— Не твое дело, — огрызнулась я, чувствуя, как вспотевшие ладони предательски скользят по коре.

— То есть если я сейчас уйду, ты совсем не расстроишься? — Фэрфакс облокотился о ствол.

— Не расстроюсь. Еще и подскажу, куда тебе идти!

— Неужели жить на дереве так интересно?

— Не представляешь насколько. — Как же меня распирало от желания запустить вниз что-нибудь тяжелое. Жаль, вокруг были только листья.

— А я ведь предупреждал, что ходить по лесу нужно осторожно. — Колдун задумчиво провел пальцами по свежим следам от клыков кабана.

— Мой лес — где хочу, там и хожу.

— Лес-то, может быть, и ваш, ваше высочество, да логово — кабанье. А зверье, оно такое: им королевские грамоты не указ, они не ведают, что перед ними по деревьям королевская особа скачет. — Фэрфакс откровенно веселился. — Будете спускаться, принцесса?

— Спускаюсь, когда пожелаю, — зло бросила я. — Мне здесь, может быть, нравится. Свежо, необычно, *свободно*.

— До самого вечера сидеть будешь?

— Да хоть всю жизнь! — В подтверждение слов я сильнее прижалась к жесткой коре и ехидно улыбнулась, бросив взгляд на колдуна. Если хочет меня спустить, пусть лезет сам.

Фэрфакс задумчиво почесал подбородок:

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты весьма необычная принцесса?

— Конечно.

— Манер никаких, ругаешься, как базарная бабка, красотой не выдалась. Одно удивительно: храбрая. Здешние древесные змеи с одного укуса убивают, а тебе все равно. Даже восхищаюсь.

Волосы на голове зашевелились от ужаса. Если и есть что-то на этом свете, что я ненавижу больше, чем своего пленителя, так это змеи. Скользкие, холодные, омерзительные... Я воочию представила, как они подбираются ко мне, готовясь напасть. Что-то коснулось запястья, и я, недолго думая, разжала руки и с громким визгом полетела вниз.

Колдун, будь он неладен, поймал меня у самой земли, но не удержал равновесия, и мы оба растянулись на траве. От удара с прежней силой занули старые ушибы, а в глазах потемнело.

— Довольна? — зло прошипел колдун, резко поднимаясь на ноги и вздергивая меня за ворот платья.

— Ой-ой-ой! — Левая лодыжка отозвалась пронзительной болью так, что на глаза слезы навернулись.

— Ну что еще? — Колдун, видя гримасу на моем лице, задрал подол платья. — Подумаешь — вывих.

— Больно, — продолжала хныкать я, опираясь на ствол дерева.

Фэрфакс поморщился, осматривая мою ступню. Затем, без всякого предупреждения, дернул так, что я взвыла на весь лес. Колдун было шарахнулся, но тут же взял себя в руки.

— Перестань вопить!

— Больно!

— Врешь. Пойдем, темнеет.

— Я идти не могу, — совершенно честно ответила я, демонстрируя колдуну босую ногу. Одним богам известно, где именно я потеряла неказистую туфлю, когда убегала от разъяренного животного, но под деревом ее не было. Фэрфакс закатил глаза и протянул руки, я отшатнулась от него, как от прокаженного.

— Тогда и сиди здесь всю ночь, — разозлился он.

— Вот и буду! А когда меня зверье сожрет, ты будешь приходить, смотреть на мои косточки и...

Стремительным движением Фэрфакс подхватил меня сначала на руки, а потом перекинул через плечо. Встряхнул, чтобы не кричала, и зашагал прочь. Надо признать, путешествовать, будучи перекинутой через плечо головой вниз, весьма неудобно. Косы рассыпались окончательно, запутались, поэтому в зарослях малины за нами оставался рыжий след из вырванных волос.

Шли мы в полном молчании. Я злобно сопела, колдун невозмутимо похлопывал меня по ногам, когда слишком громко ворчала. Нам обоим хотелось быстрее добраться до избушки: темнело, а ночью дремучего леса опасался даже колдун.

— А, кстати, на кой черт ты туда пошла? — опуская меня возле калитки, поинтересовался колдун.

— Грибы собирала, — ответила я, прыгая на одной ноге до крыльца.

— И где они?

— А леший их знает. — Я пожала плечами. В хижине было тепло, сухо, даже уютно, хотя и не так, как у меня дома — не было здесь ни ковров, ни картин, ни зеркал с безделушками. На кухне — старая печь, несколько полок с домашней утварью, стол и пара табуретов; в другой комнате — кровать колдуна, комод, каждый ящик которого был заперт, шкаф с книгами да пара полок. Жили мы, в общем-то, более чем скромно.

Фэрфакс за моей спиной глубоко вздохнул, и я инстинктивно вжала голову в плечи, но он сдержался. А вот первое время не сдерживался. Ух сколько

раз мне от него перепадало: то подзатыльник, то щипок. Но хуже всего были слова. Колдун был мастером ехидных и презрительных речей, а искусством унижения овладел, по всей видимости, в совершенстве. Даже не верилось, что столько яда и ненависти может уместиться в одном человеке. Но ничего, как-то свыклись друг с другом, по пустякам силы больше не растрчиваем.

— И много там было? — вполне миролюбиво спросил мужчина, облокотившись на перила крыльца.

— Много, — немного подумав, соврала я, — и все белые, не червивые. Отличный был бы ужин.

Колдун скрипнул зубами, сжал кулаки и молча пошел в лес. Я позволила себе усмехнуться, глядя ему в спину. Грибы он обожал. Еще любил ежевику — наберу целую корзину, не успею поставить, а колдун уже таскает горстями. Иногда мне кажется, что за время плена я его всего изучила. Знаю, что вспыльчив, жесток, но справедлив, читать любит — днями сидит за книгами, пока я без дела по двору шатаюсь. Со мной пробовал что-то обсуждать, только сильно я на него злюсь, чтобы спокойно разговаривать. Так и тянет сказать какую-нибудь гадость.

В окно комнаты постучались. Сердце забилось сильнее, когда я увидела почтовую голубку. Она прилетала два раза в неделю, но колдун всегда под благовидным предлогом отправлял меня вон. Отвязав от лапки небольшую, свернутую в трубочку бумажку, я прогнала птицу. Подскочив к лампе, развернула ее и разочарованно простонала — подписанные столбы цифр и пара строк на неизвестном языке. Колдуну, несомненно, он знаком, а вот мне — нет.

От досады хотелось плакать. Знала бы, что языки

пригодятся — училась бы усердней, а не считала ворон. Но если быть совсем честной, учителя у меня были под стать: скучающие, необязательные и рассеянные. В классной комнате мы тратили впустую время друг друга, делая вид, что география, история, политика и древние языки мне когда-нибудь понадобятся.

Остаток вечера, как примерная пленница, я просидела на табурете в углу, посматривая в окно. Колдун объявился ближе к полуночи. Злой, измотанный и без грибов. Пришлось довольствоваться простой картошкой.

— Фэрфакс. — Я отложила ложку и отодвинула тарелку, положив подбородок на сложенные ладони.

— Мм? — Колдун без всякого аппетита пережевывал рассыпчатые клубни.

— Ты про древний язык с утра говорил, помнишь?

— Помню, — насторожился мужчина.

— Так и не сказал, что означает твое имя.

— А тебе зачем?

— Чтоб гадостей больше говорить, — разозлилась я, — ты же меня не отпустишь?

— Не отпущу.

— Так, может, пришло время узнать друг друга лучше?

— Я и так про тебя все знаю, — со вздохом ответил колдун.

— А вот я про тебя — ничего.

— Так ведь ты пленник, а не я, — искренне удивился Фэрфакс.

— Знаю-знаю, — я раздраженно отмахнулась, — но чего тебе стоит просто поддержать разговор? Как-

никак, мне здесь до старости с тобой сидеть — не все же время нам ругаться..

— Глупость какая тебе в голову взбрела, — отрезал Фэрфакс. — Как только можно будет, я от тебя избавлюсь.

— А когда можно будет? — Я закатила глаза. Разговор повторялся уже в десятый раз.

— Когда время придет.

— То есть не скоро, — подытожила я.

— Скоро, не скоро — не мне решать, — припечатал колдун, поднимаясь из-за стола.

— А кому? — Я тоже встала, метнув на мужчину тяжелый взгляд.

— Тебе какая разница? Он — там, ты — тут. Вы никогда не встретитесь. — Фэрфакс ушел в комнату.

20

— Тебе самому не скучно сидеть в этой глуши? — вдогонку крикнула я. Некоторое время подождала ответа, но колдун, видимо, пропустил вопрос мимо ушей. А уже ближе к самой ночи все-таки соизволил ответить, всучив в руки потрепанный томик с желтыми листьями и напутствием «очень интересная история».

— Приятных снов, Рирариланна.

— И тебе не проснуться, — привычно откликнулась я, устраиваясь на лавке возле печи. Некоторые традиции менять все же не стоит. Колдун покачал головой, затушил свечу, и началась новая ночь моего заточения.

— Опять каша? — Колдун скривился, поднося ложку ко рту. — И опять пересолила. В кого ты только смогла влюбиться в этом лесу?

